

84.2
P81

ПРЕДАНИЯ
легенды и сказанія

Стародубской съдой старины,

Записанныя по рассказамъ дорогой
для меня няни Варвары

А. У. Губецъ

ЦЕНА 30 КОП.

СТАРДУБЪ.

ТИП. А. И. СОРКИНА

— 1911 —

О некоторых селах и деревнях Черниговской губернии Стародубского уезда сохранились поверия и легенды. Они необыкновенно интересны, полны красоты вымысла и сверхестественного сказочного характера и представляют из себя плоды поэтической фантазии в соединении христианских воззрений с языческими верованиями в перемежку. Все это побуждает меня напечатать эти рассказы и предания в безискусственном их изложении моей старушки няни.

НАСТОЯЩИЕ ПРЕДАНИЯ ПОСВЯЩАЮ
ПОКОЙНОМУ БРАТУ МОЕМУ
ИЩОЛИТУ ИВАНОВИЧУ РУБЕЦ.

ПЕРВЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Чертова беремя (изъ селъ Печеникахъ)

Ахъ, какъ далеко-далеко было то время! Еще мой дѣдъ Евсѣй, которому было уже подъ сто лѣтъ, пересказывалъ мнѣ, когда я еще была маленькая, что его прадѣдъ, а того прадѣда его прадѣдъ пересказывали имъ, вотъ какъ далеко было то время - всегда такъ начинала всѣ свои рассказы няня.

Близъ города Стародуба, въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ него, есть село Печеники, которое расположено на крутомъ берегу р. Вабли.

Тамъ, внизу, на плоскомъ берегу рѣки, былъ прежде женскій монастырь, а на самомъ возвышенномъ мѣстѣ стоялъ большой (будынокъ) дворецъ Стародубскаго воеводы. Няня называла его Говорухой и объясняла это уличное названіе тѣмъ, что онъ очень много говорилъ, болталъ, шутилъ и былъ веселаго нрава человѣкъ. Онъ былъ вдовый и имѣлъ только

одну дочку, Ксенію. „Краля была дивчина“: имѣла волосы длинныя, курчавыя, цвѣта блѣдно-золотистаго, имѣла большія очи и брови черныя, сама была статна, бѣла, какъ сахаръ, губы имѣла алыя, съ горбикомъ носикъ; выступала плавно, какъ лебедь. Красная, рѣзва была, какъ дикая козочка. Такой дивчины версты на двѣсти въ округности не было. За Ксенюшкой много крутилося молодежи родовитой, которая къ ней льнула, „якъ тыя мухи до меду“. Но никто Ксенюшкѣ не нравился; она, какъ та пташечка, распѣвала пѣсенки, рѣзво и весело ходила по хозяйству, бѣгала по саду, рвала разноцвѣтныя цвѣтики, плела вѣнки, а въ ненастные дни вышивала въ пальцахъ различныя узоры для своихъ сорочекъ.

У Воеводы была сестра монашенка, настоятельница того женскаго монастыря, женщина религіозная, характерная. Ксенія часто хаживала въ монастырь къ своей тетѣ, бѣла и читала на клиросѣ и особенно любила сидѣть у открытаго окна кельи своей тети въ весенніе лунные вечера и слушать хоры болотныхъ лягушекъ, рожокъ и пѣніе соловьевъ. Она долго засиживалась въ такіе вечера; облитая

лучами мѣсяца, и была какъ бы усыплена, околдована.

Разъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, луна какъ бы померкла, и былъ слышенъ шумъ крыльевъ большой птицы. Ксенія вскинула вверхъ глазами и обмерла отъ ужаса: громадное, страшное чудовище летѣло надъ монастыремъ. Она упала замертво на полъ.

На другой день послѣ этого, подъ вечеръ появился и представился воеводѣ высокаго роста, богатырскаго сложенія, въ красномъ жупанѣ, польскомъ кунтушѣ, смуглый, съ черными блестящими глазами, орлинымъ носомъ, съ длинными черными въ завиткахъ усами, льхой развязный богатырь: не то полякъ, не то грузинъ, не то запорожецъ. Онъ сразу обворожилъ и очаровалъ воеводу и объявилъ ему, что онъ князь, прибылъ изъ Кавказа и ѣздить, ищетъ приключеній; любить принимать участие въ бояхъ на случай войны, и тутъ же, когда Гаворухъ повзвизнулъ кипжалъ весь въ золотой оправѣ, усыпанный бирюзой и другими драгоценными камнями, онъ снялъ его и вмѣстѣ съ золотымъ позсомъ преподнесъ его въ подарокъ воеводѣ. Околдованный и

очарованный его любезностью, а еще болѣе его остроумными веселыми разсказами о его приключеніяхъ, Говоруха делалъ мысль, отдать за этого красиваго статнаго богатыря свою дочь.

За ужиномъ воевода познакомилъ его со своей дочерью. Бѣдная Ксеньюшка, увидавъ его, затрепетала: сердце ея замирало отъ его черныхъ блестящихъ глазъ, устремленныхъ на нее-бѣдную. Чѣмъ больше смотрѣлъ на нее Церетели (такъ звали лихого молодца), тѣмъ больше онъ подчинилъ Ксеню своей волѣ; она дѣйствовала, какъ во снѣ: по его желанію она смѣялась, весело щебетала. Онъ тутъ же продолжалъ съ ней то же, что и съ ея отцомъ: очаровалъ ее своими веселыми разсказами и подробными описаніями тѣхъ странъ, гдѣ онъ бывалъ: какія тамъ города, села; какъ въ нихъ люди живутъ; какія тамъ растенія, цвѣты разноцвѣтные... „Не то, что у васъ здѣсь“, прибавлялъ онъ съ презрѣніемъ. Какія ткани, сколько тамъ золота и серебра, какіе тамъ драгоценные разноцвѣтные камни. И тутъ же вынулъ сафьяновый мѣшочекъ, красиво вышитый золотымъ узоромъ и высыпалъ передъ

изумленной дѣвушкой драгоценные камни, оправленные въ золото сережки, наручники, колечки, перстеньки и предложилъ все это въ подарокъ. Изъ массы этихъ богатствъ онъ предложилъ ей надѣть перстенецъ съ желтымъ камнемъ, на которомъ были вырѣзаны какіе то непонятные знаки.

Какъ только Ксеньюшка надѣла на указательный пальчикъ перстенецъ, кровь у нея заглглась, стала волновать ее; въ вискахъ застучало и она, восторженно, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ просила его почаще бывать у нихъ.

Онъ ушелъ. Ксеньюшка пошла въ свою опѣчивальню, бросилась въ уголъ, гдѣ стояли образа, и стала горячо молиться Божіей Матери избавить ее отъ напасти. Перстенецъ на указательномъ пальчикѣ жегъ его, врѣзывался въ тѣло и она никакъ не могла снять его. Тогда она обратилась съ молитвою къ своему Ангелу хранителю.

У каждой души христіанской, — объясняла моя няня, — есть ангелъ хранитель. Какъ только родится ребенокъ, Господь Богъ приставляетъ къ нему Ангела, охраняющаго его отъ всѣхъ бѣдствій, напастей и дурныхъ шалостей.

Какъ только начала молиться Ангелу-хранителю бѣдная Ксеньюшка, сейчасъ же закричали свое „пугу“ пугачи (совы) во всѣхъ концахъ сада и на крышѣ дома, и поднялась сильная буря и гроза. Вѣтеръ рвался, метался, ломился; дождь ходилъ ходуномъ, скрипѣлъ и вотъ-вотъ долженъ былъ разрушиться.

Ксенія безъ памяти распростерлась передъ образами; когда же буря утихла и начало разсвѣтать, она поднялась съ полу, легла въ постель и мигомъ заснула.

Проснувшись она съ радостью и удивленіемъ увидѣла, что заколдованнаго перстенъка на указательномъ пальчикѣ уже нѣтъ, и все, что видѣла и слышала она въ эту ночь, казалось ей какъ будто во снѣ.

Одѣвшись, помолившись Богу, она на дѣла на себя образокъ Спасителя, подаренный ей тетей и пошла къ отцу. Начала она ему рассказывать о бурѣ, о грозѣ и различныхъ ночныхъ ужасахъ и страхахъ, такъ же о крикахъ пугачей, которые предвѣщаютъ должно быть несчастье.

„А я такъ всю ночь проспалъ, какъ убитый, и ничего подобнаго не слыхалъ, сказалъ воевода, и еле-еле пробудился“.

Подъ вечеръ опять явился Церетели; онъ былъ сумраченъ, мраченъ; глаза его метали искры, голосъ его, хотя и вкрадчивый, былъ лишенъ прежней нѣжности и очарованія. А Ксеньюшка не подавалась его чарамъ, избѣгала его, и не было той рѣзвости и веселости въ ея движеніяхъ и разсказахъ. Отецъ, видя эту перемену, предложилъ имъ пройтись по саду. Хотя Ксеньюшкѣ было и неприятно это, но она повиновалась желанію отца. Гудя по саду, Церетели разсыпался передъ дивчиной всевозможными льстивыми и нѣжными словами, и началъ ей разсказывать свои боевые подвиги: какъ нерѣдко онъ попадался въ засаду, и какъ счастливо онъ отбивался отъ враговъ... И при этомъ незамѣтно перешелъ отъ веселыхъ и боевыхъ разсказовъ на грустный и печальный разсказъ о себѣ: что онъ круглый сирота, не помнить ни отца и ни нѣжныхъ ласкъ матери; что онъ богатъ, знатенъ, храбръ; что все ему удастся, но онъ чувствуетъ, что все это не то, что ему нужно; что онъ любить одно

райское созданіе, дѣвушку, которую нельзя ни съ чѣмъ сравнить по красотѣ, и которая, навѣрно, не любитъ его, а онъ для нея радъ все сдѣлать, даже то, что для обыкновенныхъ людей считается невозможнымъ, неисполнимымъ...

—И эта дѣвушка-ты, мой ангель красоты. Назпачь мнѣ какое угодно испытаніе, прикажи сдѣлать невозможное,—я все готовъ исполнить, создать, сокрушить, лишь бы тебѣ угодить. Я твой послушный рабъ и исполнитель всего того, что ты пожелаешь. Полюби, очастливь меня... Я буду твой во вѣкъ.

Въ это время они подходили къ дому, и Церетели, въ порывѣ страсти, взялъ ее за руку и воскликнулъ печально „Гдѣ же тотъ перстенецъ, что я далъ тебѣ вчера. Вотъ доказательство того, сказалъ онъ грустно,—какъ цѣнять вещи подаренные отъ всего сердца и любви.

До этого послѣдняго восклицанія Ксеньюшка пылала въ сладостномъ забытьи и чуть не сказала шепотомъ, что она любитъ его. Упоминаніе же о роковомъ перстенькѣ живо напомнило ей о всѣхъ ужасахъ предыдущей ночи и сразу

отрезвило ее. Она въ смятеннѣи и волненнѣи, путаясь въ словахъ, застынчиво сказала ему:

— „Я его потеряла и никакъ не могла найти его“.

Онъ началъ ее успокаивать, сказавъ, что онъ найдетъ его и завтра же доставить его, и просилъ придумать ему испытаніе, чтобы онъ могъ доказать свою любовь и преданность ей. Они разстались.

Ксеньюшка вернулась въ свою горенку, жарко опять помолилась, легла въ постель и все думала, какого рода назначить ему испытаніе; но ничего не придумавъ, рѣшила наконецъ посовѣтоваться съ своей тетей и бывшей своей няней, которая на старости лѣтъ поселилась въ монастырѣ; затѣмъ успокоилась и заснула.

На другой день, одѣвшись какъ можно скорѣе, она побѣжала къ тетѣ въ монастырѣ и, заливаясь слезами и всхлипывая, съ жаромъ рассказала, какъ она провела два вечера и двѣ ночи безъ нея, и, ласкаясь къ ней, просила помочь ей отдѣлаться отъ этого противнаго и ненавистнаго ей князя и дать ему, по его просьбѣ, совершенно неисполнимое испытаніе, хотя онъ и ручается, кля-

нется, что всякую, даже неисполнимую задачу, исполнить.

Тетя, прижавъ ее къ своей груди, сказала:

„Твою просьбу нужно хорошенько обдумать. Я сегодня буду вечеромъ и посмотрю, что у Васъ тамъ за князекъ проявился. Вечерь утра мудреннѣе“.

За полчаса до того времени, какъ Церетели приходилъ всегда къ воеводѣ, она одѣлась въ свою черную одежду настоятельницы, съ большимъ золотымъ крестомъ на груди, приказала отворить всѣ окна и двери, чтобы было прохладно, и заняла свое обычное мѣсто за столомъ, накрытымъ для ужина.

Представивъ князя сестрѣ своей, воевода просилъ любить и жаловать молодца. Она пристально въ упоръ посмотрѣла на него, такъ что онъ оробѣлъ и не могъ ей прямо смотрѣть въ глаза и задрожалъ увидя крестъ на ея груди. Воевода, видя все это, какъ ловкій бывалый человекъ, пригласилъ гостя выпить и закусить. Это сгладило впечатлѣніе встрѣчи. Выпивъ чарочку, Церетели завелъ разговоръ вообще о винѣ и о томъ, какое выдѣлывается у него на родинѣ.

„Оно и по вкусу и по аромату, — сказалъ онъ, — превосходить всѣ другія вина, когда бы и гдѣ бы я ихъ не пробовалъ.“

Онъ хлопнулъ въ ладоши и въ дверь вошли громаднаго роста гайдуки, несшіе два бурдюка съ кахетинскимъ виномъ, которое Церетели преподнесъ воеводѣ въ знакъ своей пріязни къ нему, проговоривъ:

„Пейте это вино во здравіе и вспоминайте меня.“

Воевода былъ этимъ очарованъ, потому что онъ былъ великій выпиваха на всевозможныхъ празднествахъ: родинахъ, крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, и въ особенности въ кругу своихъ друзей и сотоварищей.

Подъѣли, подвыпили и подъ впечатлѣніемъ яснаго луннаго вечера, Церетели началъ хвалить погоду и сказалъ, что грѣшно сидѣть въ душной горницѣ, когда такая лунная, теплая вечерняя погода, и предложилъ Ксеініи пройтись по саду.

Они встали, и, какъ только остались наединѣ, онъ страстно и порывисто обнялъ ее и нѣжнымъ, трепетнымъ голосомъ спросилъ ее, согласна ли она выйти за него замужъ и

какое придумала ему испытание. Она вся околдованная, очарованная и трепещущая, зардѣвшись сказала:

„Ахъ, я еще не придумала; дай мнѣ время собраться съ мыслями, и я, навѣрно, послѣ завтраго тебѣ его передамъ“.

Подойдя къ дому, онъ передалъ ей сафьяновый мѣшочекъ, вышитый золотомъ, привѣщанный къ тоненькому, чудесному золотому пояску.

„Въ этомъ мѣшочкѣ, — сказалъ онъ, — находится то кольцо, которое я тебѣ подарилъ, но потерянное тобою; ты теперь его не надѣвай, а когда мы женимся, тогда его надѣнешь“.

Побывъ еще часикъ у Говорухи, онъ простился и ушелъ.

Послѣ его ухода воевода началъ горячо восхвалять Церетели, его доблести, боевыя подвиги, любезности, заключивъ:

— „Лучшаго зятя я себѣ не пожелалъ бы“.

Сестра же его степенно и разсудительно заявила ему, что лучше о немъ собрать свѣдѣнія и не спѣшить со свадьбой; что онъ ей не нравится; что у него много отталкивающаго:

глаза его устремленные на Ксеньюшку, издавали какой то фосфорический свѣтъ, лъстивыя слова желали пропикнуть въ душу, и что въ немъ и во всѣхъ его дѣйствіяхъ проявляется какая-то сатаническая сила“...

— „А у него, — сказала, входя въ столовую горницу, старуха няня, — есть хвостикъ. Какъ тамъ чортъ не захочетъ обернуться въ чело-вѣка, а хвостика не упрячетъ. И за нимъ изъ другой горницы смотрѣла и, когда онъ поднялся и предложилъ Ксеньюшкѣ прогуляться, этотъ хвостикъ замѣтила. Да и сама харя у него хоть и смазливая, да чертовская.

Буркулы у него провзательныя, свѣтящіеся, безстыжіе; и отъ него воняетъ сѣрою, какъ ужъ онъ тамъ ни обливайся различными запахами, а сѣрный запахъ пекла всегда отъ такихъ чертей, какъ онъ, разить“.

Воевода расхохотался отъ удовольствія, затопалъ ногами и со смѣхомъ сказалъ:

— „Ну, няня, разодолжила ты меня; въ такомъ красивомъ и веселомъ молодцѣ — богатирѣ признала оборотня — черта.“

Раздосадованная на воеводу няня, надувшись пошла обратно въ монастырь, сопровождая настоятельницу.

На другой день при свиданіи со своей племянницею тетка наединѣ сообщила ей придуманное ею испытаніе, прося держать это въ тайнѣ.

Въ тотъ же вечеръ, прогуливаясь, съ Церетели по саду, Ксенія сказала ему:

„-Вотъ какого рода испытаніе я на тебя налагаю: Ты долженъ въ эту ночь отколотъ и принести сюда верхушку лысой горы, что близъ Кіева. Если ты исполнишь это, я согласна быть твоей женой.“

Онъ просвѣтлѣлъ и тутъ же, простившись, исчезъ.

— „А ты знаешь дитятко, — продолжала моя старая няня, — Юльскія — то ночи очень коротки; и вотъ Ксеньюшка предложила отцу, тетѣ и старухѣ своей нянѣ не спать въ эту ночь и молиться Богу. Здѣсь — то Ксеньюшѣ няня разсказала, что все пѣвни и на селѣ и на дворѣ воеводы перестали пѣть: съѣлъ у нихъ типунъ на языкѣ — значитъ что-то не къ добру.“

— „Напѣ, — продолжала она, — голосистый момастырскій пѣвень прихворнулъ было, да я взбрызнула на него святой водицей, онъ выздоровѣлъ и горланилъ цѣлый день, недовольный,

что ему другіе пѣвни не отвѣчали. Я захватила его съ собой, боясь тамъ оставить.”

За полчаса до разсвѣта съ южной стороны что-то страшно загрохотало, зашумѣло, засвистало и показалось ужаснѣйшее чудовище, отъ котораго такъ и сыпались искры, сверкала молнія, гремѣлъ ужаснѣйшій громъ, раскаты котораго далеко разносились по поднебесью. Чудовище стало приближаться все ближе и ближе и уже подвигалось къ монастырю. Всѣ стали горячо молиться, какъ вдругъ раздался громкій крикъ пѣвня и чудовище обрушилось на монастырь и провалилось съ нимъ глубоко въ землю.

На мѣстѣ монастыря остался только обширный плоскій кругъ земли. И объясняла моя няня Варвара, что чертъ, несшій верхушку Лысой горы остриемъ внизъ былъ какъ разъ надъ монастыремъ въ то время, когда запѣлъ пѣтухъ. Его сила и демоническая власть прекратились во время пѣнія пѣтуха, и онъ вмѣстѣ со своей ношей и монастыремъ провалился подъ землю.

И народъ прозвалъ то мѣсто „чертово беремя“. Старые люди и по нынѣ рассказы-

важеть, что иногда въ субботу подъ Воскресенье и подъ другіе праздники слышенъ благовѣсть подъ землею и тихое церковное пѣніе женскихъ голосовъ.

ВТОРОЙ РАЗСКАЗЪ

Путятна (теперешняя Вербица)

Разсказъ ямщика.

Въ 1856 году лѣтомъ, гости у своей матушки въ Истровкѣ близъ села Чубковичъ, я поѣхалъ въ Новгородсѣверскъ посмотрѣть на живописное расположеніе города, покататься по Деснѣ и провѣдать своего товарища по Гимназіи Монжоса.

Матушка дала старую пролетку и пару лошадей доѣхать до Старолуба.

Въ Стародубѣ я взялъ почтовыхъ лошадей и поѣхалъ въ Новгородсѣверскъ.

Мнѣ попался старый ямщикъ, большой говорунъ и разсказчикъ, по прозванію Зозуля. На мой вопросъ, откуда онъ, онъ не переставалъ болтать до конца дороги.

—Я изъ Понуровки; я двадцать лѣтъ ямщикомъ и за эти двадцать лѣтъ, можетъ быть, тысячу разъ проѣхалъ отъ Стародуба до Понуровки и отъ Понуровки до Стародуба. Я каждый кустикъ, каждую кочку на этомъ разстояніи знаю прекрасно; и про мѣста здѣсь всякія знаю преданія.

Воспользовавшись гадкою дорогой на плотинѣ, онъ слѣзъ съ облучка перекладной, началъ поправлять сбрую лошадей и, указывая кнутомъ на гадкую греблю съ мостикомъ, сказалъ: а знаете ли вы, какая эта гребля?

Это Вербица, а прежде называлась Путьтна. Мнѣ рассказывалъ мой старый дѣдъ, что много сотенъ лѣтъ тому назадъ здѣсь были хуторъ Лупанецъ, принадлежавшій Стародубскому воеводѣ Карамышеву. Эта рѣчка была запружена большою плотиною, на которой стоялъ млынокъ. По другую сторону плотины, на лѣво стоялъ большой будынокъ окруженный большимъ фруктовымъ садомъ. Много было вокругъ хозяйственныхъ построекъ, а на выѣздѣ съ плотины стоялъ колодезь съ журавлемъ, славившійся далеко въ окрестности своей хорошей водой. Возлѣ него часто оста-

навливались прохожіе и проѣзжіе; богомольцы мыли здѣсь свои руки и лицо, снѣдали (закусывали) и отдыхали. Въ запруженномъ озерѣ было много рыбы.

Этотъ хуторъ арендовалъ у воеводы не то молдаванинъ, не то цыганъ по одеждѣ, высокій ражій дѣтина, сажень въ плечахъ и большой силы. Имѣя вкрадчивый голосъ, пріѣтливый со всѣми, онъ пріобрѣлъ популярность въ окрестности; велъ успѣшно торговлю съ окрестными деревнями, былъ хорошимъ бондаремъ и столяромъ, дѣлалъ ведра, кадушки, ушаты, лопаты, скамьи, табуреты, билъ коноплянное масло, курилъ вътайнѣ водку, варилъ медъ и пиво и всѣ свои издѣлія промѣнивалъ у сосѣднихъ крестьянъ и казаковъ на просо, жито, коноплю, пеньку, медъ, воскъ и т. п. Торговалъ, деньгу наживалъ и занимался еще ворожбой и колдовствомъ и лѣчилъ отъ всѣхъ болѣзней настоемъ различныхъ травъ.

Звали его Алексѣй Кочумъ. На лицѣ его было страданіе и грустное выраженіе; онъ часто вздыхалъ и грустно задумчиво глядѣлъ вдаль. Видно имѣлъ онъ какое то горе, или, можетъ быть, упреки совѣсти не давали ему

покою. Въ его комнатѣ на стѣнномъ коврѣ было развѣшано всевозможное оружіе: сабли, ятаганы, кинжалы, луки, и стрѣлы; и все въ дорогихъ, усыпанныхъ брильянтами и другими драгоценными камнями, жемчугомъ и въ золотыхъ оправкахъ.

У Алексѣя была дочь Катерина красы не описанной: въ отца вся смуглая, рослая, глаза были черные-черные, да такіе пронзительные, что, какъ посмотреть на кого, такъ и приворожить и приколдуетъ, и тотъ терять свою волю, безпрекословно подчинялся ей и исполнялъ всѣ ея требованія.

Катерина съ дѣтскаго возраста любила помогать отцу; а какъ подросла она да сдѣлалась пышной красавицей, то на этотъ хуторъ съѣзжалось множество народу; были тутъ и казаки—„лыцари“ и богатые купцы, и ляхи, —богатые польскіе паны,—и евреи по торговымъ дѣламъ, и прочій людъ. И всѣхъ ихъ приманивала, кромѣ торговыхъ дѣлъ, краса Катерина, которая всю эту толпу держала въ должномъ почтеніи.

Торговля шла на славу, и Алексѣй Кочумъ долженъ былъ выстроить возлѣ колодца

большой постоялый дворъ, потому что многіе нилн, ѣли, бражничили, дневали и почевали.

У воеводы Карамышева былъ одинъ сынъ Петръ, красивый статный парень со свѣтлыми кудрями, служившій у Московскаго царя постельничымъ.

Пріѣхалъ онъ разъ весной на побывку къ отцу. Услыхавъ про красоту дочери Алексѣя Кочума и желая провѣрить справедливость славы и рассказовъ про Катерину, поѣхалъ онъ разъ послѣ полудня верхомъ провѣдать Кочума.

Не доѣзжая до хутора, онъ слышалъ въ лѣсу пѣніе: то дѣвки пѣли веснянки; и между пѣніемъ взвизгивали, весело хохотали. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время толпа дѣвухъ высыпала на поляну, черезъ которую долженъ былъ проѣзжать Петръ; здѣсь они начали рѣзвиться, бѣгать, перегонять другъ друга, падали, визжали, хохотали. Все это раскатами пошло по лѣсу, и эхо нѣсколько разъ повторило тоже самое.

Замѣтивъ всадника на прекрасной лошади въ красивомъ стрѣльцкомъ одѣяніи, дѣвухи испугались, живо разбѣжались и исчезли.

Осталась только одна Катерина, которая пристально посмотрѣла на него своими черными, лучезарными, фосфорическими глазами.

Петръ, околдованный и очарованный ея взглядомъ, слѣзь съ коня, сконфужено снялъ съ себя стрѣлечкую шапку и объяснилъ ей, кто онъ такой. Она окинула его быстрымъ взоромъ, видимо любясь имъ, и предложила ему пройти къ отцу пѣшкомъ.

Дорогою она весело разсказывала, смѣялась, однимъ словомъ, была очаровательно прелестна.

Алексѣй Кочумъ радостно встрѣтилъ Петра, тотчасъ распорядился приготовить что-нибудь ему поѣсть, а самъ поставилъ передъ нимъ добрую кружку хорошаго холоднаго пива, которое Петръ выпилъ за здоровье Алексѣя и его дочери Катерины.

Послѣ ужина Катерина предложила воеводскому сыну пройти съ нею по саду и покататься при лунномъ свѣтѣ на лодкѣ по озеру.

Сколько они тамъ катались и что они тамъ говорили между собою—я этого не знаю, но вернулся Петръ на хуторъ совершенно

привороженъ и околдованъ Катериною: позабывъ о Москвѣ о Стародубѣ, объ отцѣ и матери, къ которымъ прѣѣхалъ на побывку, застрялъ оиъ въ хуторѣ.

Живеть оиъ день, два, недѣлю, другую, третью... Кочумъ сталъ недружелюбно посматривать на Петра и на Катерину, ворчалъ, бѣсился, кидался, ломалъ вещи...

Разъ въ отсутствіи Петра, Катерина гордо, съ достоинствомъ спросила отца:

— Что ты злишься, ворчишь, ломаешь вещи? Ты не доволенъ, что я сдружилась съ Петромъ?... Ахъ тато-таточка, неужели ты не видишь, что я его люблю и оиъ меня любитъ? Ты знаешь меня хорошо, что я не сдѣлаю ничего такого, что ославило бы и меня и тебя. Мы гуляемъ съ нимъ, бѣгаемъ взапуски, катаемся въ лодкѣ, поемъ пѣсни и дали слово любить другъ друга и никого больше.

На вопросъ отца: „Развѣ можетъ оиъ, сынъ воеводы, на тебя жениться. Отецъ его никогда ему не позволитъ этого“ — она отвѣчала: — Оиъ меня любитъ и я его люблю; мы убѣдимъ на твою родину и тамъ обвѣнчаемся. Неправда ли, таточка, ты намъ поможешь въ этомъ?

Онъ отвернулся отъ нея, злобно сверкнулъ глазами и прошепталъ:—Никогда!

На другой день воеводскій сынъ проснулся въ своей горенкѣ въ Стародубѣ, ослабѣвшій, съ тяжелой головой, весь въ поту и съ недоумѣніемъ осматривался кругомъ.

—Наконецъ то, ты очнулся, Петя—сказалъ воевода,—три недѣли ты горѣлъ и былъ безъ памяти; у тебя была огневица (горячка): никакіе шептуны и ворожейки не могли помочь тебѣ, ты во все время болѣзни бредилъ, кричалъ, хохоталъ, метался по постели и только сегодня очнулся, а я и мать твоя такъ и думали, что ты умираешь. А тутъ изъ Москвы требуютъ тебя свѣтъ—надежда государь.

Ты ему нуженъ, поправляйся скорѣе да поѣзжай на службу.

Когда сынъ оправился отъ болѣзни и отправился въ Москву, воевода отписалъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, чтобы они женили Петра въ Москвѣ, что они и исполнили.

Проживши года два съ женой своею въ Москвѣ, Петръ Карамышевъ загрустилъ, закручинился: ни днемъ ни ночью отъ тоски не знаетъ покоя; все ему кажется, что онъ сдѣлалъ

что-то нехорошее, преступное; началъ онъ бормотать что-то, задумываться. Испугалась молодая жена его и просила совѣта у царскихъ врачей. Они, осмотрѣвши его, посоветовали ему поскорѣе ѣхать домой и тамъ отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Въ первыхъ числахъ Марта они выѣхали изъ Москвы и пріѣхали въ Стародубъ на Благовѣщеніе.

Въ этотъ годъ была снѣжная зима, а затѣмъ ранняя весна: После 25-го снѣгъ живо стаялъ, и быстро начала прибывать вода въ рѣчкахъ, озерлахъ и запрудахъ.

Третьяго Апрѣля Петръ какъ будто очнулся и умъ его просвѣтлѣлъ. Онъ сказалъ женѣ и роднымъ, что поѣдетъ прокататься. Выѣхавъ за городъ, лошадь прибавила шагу, а онъ задумался. Ничего не видя ни направо ни налево, Петръ незамѣтно проѣхалъ восемь верстъ. Уже вечерѣло. Выплыла полная луна, озаряя все матовымъ голубоватымъ свѣтомъ.

Лошадь вдругъ стала. Петръ очнулся: видитъ плотину; озеро вскрылось, вода все болѣе и болѣе прибываетъ, а отъ воды идетъ паръ, который все сгущается и туманомъ по-

крываетъ всю воду и мельницу; а на мосточкѣ онъ видитъ свѣтлое очертаніе любимой дѣвушки, которая манить его рукой. Онъ вскрикиваетъ, слѣзаетъ съ лошади, бѣжитъ къ ней — и слышитъ со стороны ея нѣжный голосокъ:

— Ты покинулъ меня, ты не исполнилъ даннаго слова, разлюбилъ меня и женился на другой, меня же изъ своей головы выкинулъ; а я осталась тебѣ вѣрна и утопилась съ горя. Не оправдывайся Петруня: я знаю, кто виновникъ этого — это мой отецъ; онъ вами мститъ моей матери, которую онъ зарѣзалъ за то, что она полюбила другого и измѣнила ему. Онъ околдовалъ тебя, отшибъ твою память, оттого ты и позабылъ меня:

— О горе мнѣ! Вскрикнулъ съ отчаяніемъ Петръ. — Будь проклятъ твой отецъ и всѣ тѣ люди которые сдѣлали меня несчастнымъ! Я никого не любилъ и не хочу любить другую, кромѣ тебя; я былъ тебѣ вѣренъ, я несчастный погубленный человекъ... Мнѣ не хочется жить... И зачѣмъ жить? Я хочу быть съ тобою и лишу себя жизни, чтобы быть съ тобою вѣчно.

Въ это время что то загремѣло, загрохотало; поднялась буря съ громомъ и молніей со стороны запруды; вода хлынула на плотину и они исчезли..

Старый же кочумъ послѣ того исчезъ, и его нигдѣ не было видно.

И теперь въ наши дни, раннею весной, когда ѣдешь обратно изъ Понуровки въ Стародубъ, тутъ, на мокромъ болотистомъ мѣстѣ при лунномъ свѣтѣ въ клубкахъ тумана представляется, какъ будто видъ дѣвушки и парня, скользящихъ по землѣ. И слышенъ свистъ и хохотъ.....

ТРЕТІЙ РАЗСКАЗЪ.

ПОНУРОВКА.

Въ 27 верстахъ отъ Стародуба по дорогѣ въ Новгородсѣверскъ находится село Понуровка. Въ недалекомъ разстояніи, такъ верстахъ въ десяти отъ этого мѣста въ старыя давнія времена въ лѣсу на полянѣ былъ небольшой поселокъ литвиновъ. Въ этомъ по-

селкъ жилъ старый Понуръ, который слылъ въ округѣ какъ добрый и разумный человекъ. Онъ занимался ворожбою, собиралъ цѣлебныя различныя травы, выкапывалъ приворотныя корни, лѣчилъ людей отъ разныхъ болѣзней, по крику и по полету птицъ предсказывалъ перемену погоды. Его никто не видѣлъ выходящимъ изъ дому; все онъ сидѣлъ въ своей хатѣ, а зналъ все, что дѣлается въ поселкѣ.

У Понура было два сына: Пуца и Бутя. Пуца былъ нрава сквернаго, злой, самъ рыжій, весь косматый, съ косыми зелеными глазами, былъ вислосухій, ротъ имѣлъ до ушей, а носъ маленькій, какъ пуговка, руки у него были длинныя, кулаки громадныя и крѣпкія какъ камень, а ноги—колесомъ. Меньшой Бутя былъ чернявый, лицо у него было желто—смуглое, лобъ имѣлъ большой, волосы курчавые, глаза темныя, большіе, жгучіе, носъ съ горбомъ, ротъ съ алыми, толстыми губами, съ маленькой въ видѣ клина бородкой; зубы—что твоя жемчугъ; самъ былъ большого роста, статный, гибкій, ловкій парень, ходилъ всегда быстро, былъ тихаго нрава человекъ, никого не обижалъ, ни съ кѣмъ не задирался. Оба брата были женаты. У старшаго была жена

Луця. Она была маленькаго роста, вертлявая, безъ умолку говорившая, вкрадчивая, пелюбившая своего мужа, потому что онъ часто ее билъ за дѣло и безъ дѣла. Она лѣлилась и мало занималась хозяйствомъ, ходила грязно и неряшливо, въ хатѣ никогда не прибирала. У нихъ не было дѣтей.

Младшій Бутя былъ женатъ на Ревѣ, милостивой толстухкѣ. Она постоянно была въ хлопотахъ, то у очага, то на задворкахъ: чистила, мыла, прибирала въ хатѣ и всегда звонко хохотала, распѣвала пѣсенки; одѣта была всегда чисто, любила своего мужа, Бутю, до безумія и всячески старалась угодить ему. У нихъ было много дѣтей, и дѣти ихъ были такія красивыя, тихія и некапризныя. И Бутя и Рева постоянно съ ними возилсь. Старшій Попуръ былъ человѣкъ зажиточный, и можно сказать, богатый: Его закромы ломились отъ хлѣба, въ кошарѣ стояло много коровъ, въ хлѣву свиней, въ кладовыхъ было сложено много зубровыхъ кожъ и мѣховъ-медвѣжьихъ, лисьихъ и бобровыхъ; а въ укромномъ мѣстечкѣ было закопано не одна сотня дукатовъ. У каждаго изъ сыновей Понура было по хатѣ, а самъ онъ жилъ отдѣльно, особнякомъ. Передъ

смертью онъ призвалъ ихъ и просилъ подѣлать поровну все то, что онъ имъ оставилъ; сказалъ также, чтобы старшій сынъ не обижалъ младшаго, и чтобы жили они въ согласіи.

Не успѣлъ еще Понуръ умереть, какъ Пуця завладѣлъ почти всеѣмъ; не далъ онъ брату ни хлѣба, ни законныхъ денегъ, и стали братья ссориться, не стали жить согласно. Старшему все удавалось: что ни посѣть, то прекрасно и уродить; Борты его увеличились числомъ и давали прекрасный медъ; мѣха онъ выгодно сбывалъ, все богатѣлъ да богатѣлъ. А младшій что не предпринималъ, все не удавалось: посѣть онъ что либо-червь подѣсть, либо зубръ потопчетъ; отроятъ-я-ли его пчелы-чуть что зазвастся, а братъ тутъ и подбереть.

Нерѣдко ходилъ онъ къ брату чтобы тотъ помогъ ему.

— Помоги, родненькій братику; дѣтки плачутъ голодные... будь милостивъ. Но Пуця вмѣстѣ съ женою въ такихъ случаяхъ ругали его и выталкивали въ шею. Разъ Бутя видитъ во снѣ благообразнаго сѣдого старца, который говоритъ ему:— Не бойся меня, пойдемъ со

мною, ты достоинъ того, чтобы я вознаградилъ тебя за твою скромность и кротость.

Онъ послѣдовалъ за старцемъ. Не идетъ Бута, а летитъ: такъ стало ему легко на душѣ.

Вотъ пришли они къ горѣ, а въ горѣ пещера съ желѣзными воротами, которыя закрыты наглухо. Старикъ сказалъ:

— Скажи про себя: „Артура отвори“, Бута сказалъ, и ворота открылись. Они вошли; сыро, темно, вѣтеръ гуляетъ, надъ ними большія летучія мыши летаютъ, а сзади, что твой громъ, гремитъ что-то и догоняетъ.

— Не бойся ничего, только не оглядывайся, — сказалъ старецъ. Прошли они довольно долго по пещерѣ и, наконецъ, набрали на свѣтъ. Пещера мало-по-малу расширилась, и пришли они къ большому просторному мѣсту, въ которомъ налѣво слышался стукъ желѣза о камень. Тамъ они увидѣли массу маленькихъ людей съ большими сѣдыми бородами, которые били каменные утесы желѣзными кирками, и отъ ударовъ которыхъ брызгали искры и сыпался щебень изъ чистаго золота. Этотъ щебень подбирали въ корзины такіе же маленькіе, какъ и старички, дѣвушки съ рас-

пущенными золотистыми волосами и перемыкали его въ водѣ водопада. А по серединѣ того мѣста стояла громаднаго роста женщина, возлѣ которой стояли мѣшки съ золотомъ, а на лѣвой сторонѣ амбаръ, въ которомъ помѣщались кули со всевозможными различными зернами; кругомъ ея горѣли въ жаровняхъ смирнѣ и ладанъ, а сверху падалъ яркій голубоватый свѣтъ.

Старикъ съ Бутей стали на колѣни передъ этой женщиной и Бутя протянулъ къ ней руки, прося помощи. Она лучезарно улыбнулась, взяла два большихъ дуката и сказала:

— Вотъ твое тебѣ богатство. Эти дукаты должны быть для тебя священы. Ты повѣсь ихъ себѣ на шею и никогда не расставайся съ ними.

Затѣмъ взяла кувшинъ, налила полно его водой и сказала: Возьми немножко боровинки, омочи въ воду и взбрызни по вѣтру на свои поля и они сдѣлаются влажными.

Далѣе величавая женщина потребовала три маленькихъ кулька съ зернами пшеницы, проса и ржи и сказала:

— Посѣй все это на трехъ смѣнахъ, и у тебя всегда будетъ урожай.

И на этомъ Бутя проснулся. Лежить на постели, протираетъ глаза; потомъ всталъ, началъ одѣваться и видитъ—вдругъ возлѣ постели стоятъ три кульки, а на шеѣ у него два дуката, и въ сторонѣ стоитъ кувшинъ воды; разбудилъ тогда Бутя свою жену Реву, рассказалъ ей все о своемъ снѣ и о кулкахъ, о водѣ, о дукатахъ и о благообразномъ старикѣ.

Въ заключеніе Бутя сказалъ своей женѣ, что тотчасъ же пойдетъ искать новаго мѣста для переселенія, что теперешнее мѣсто ему опостыло. Собрался въ путь и пошелъ.

Бродилъ онъ долго и, наконецъ набрелъ на красивую рѣчку, по лѣвой сторонѣ которой было гладкое поле и лугъ; выбралъ онъ мѣсто, гдѣ построить домъ (дѣло было весной) и началъ дѣлать срубъ. На ночь пошелъ домой, а къ утру какъ пришелъ, то увидѣлъ, что домъ уже готовъ, и съ нимъ всѣ хозяйственныя постройки.

Перевезъ Бутя на новое мѣсто все свое семейство и началъ обрабатывать землю, предварительно взбрызнувъ ее, и засѣялъ тѣми зернами, что получилъ въ пещерѣ. Къ осени былъ обильный урожай.

Старшій же братъ, узнавши, что Бутя переселился, пошелъ къ нему и удивился благосостоянію брата, началъ льстиво выпытывать его, откуда всѣ эти у него богатства и довольства, и ужъ не выкопалъ ли онъ гдѣ — нибудь кладъ.

Бутя по добротѣ и простотѣ своей рассказалъ про свой сонъ и про все, что съ нимъ случилось.

Пуця вернулся домой мрачный и озлобленный и, чтобы выместить свою злобу, такъ отколотилъ свою жену, что та слегла въ постель и черезъ недѣлю умерла; а онъ, негодующій и озлобленный завистью къ своему брату, вскорѣ послѣ смерти жены повѣсилъ на осинѣ.

Подросши, дѣти Бути стали помогать отцу и обрабатывать все новыя и новыя земли, и Бутя съ каждымъ годомъ сталъ богатѣть и наживаться. Онъ построилъ нѣсколько куреней, а изъ сосѣдняго поселка къ нему присоединилось еще нѣсколько человѣкъ.

Съ каждымъ годомъ поселокъ разрастался, и когда умеръ Бутя, то поселокъ въ честь его отъа былъ названъ Попуровымъ, а потомъ.

Понуровкою, а рѣчка, на которой стоялъ онъ, была названа въ честь жены Бути Ресою.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗКАЗЪ

село Медвѣдова

За сто, а можетъ быть и за двѣсти верстъ отъ Стародуба проживало когда-то племя „лицвини“, которыя жили въ лѣсахъ отдѣльными поселками, называвшимися родами. Каждый изъ такихъ родовъ состоялъ изъ дѣда, сыновей его, внуковъ и правнуковъ. И какъ въ этихъ поселкахъ жили хорошо, мирно! Дѣдъ былъ патриархомъ своего поселка, которымъ и управлялъ: судилъ, мирилъ, наказывалъ и т. д. Если такихъ поселковъ было до 20, расположенныхъ не въ далекомъ другъ отъ друга разстояннн ,то обыкновенно выбирался одинъ изъ двадцати дѣдовъ самый умный, опытный и хорошій во всѣхъ отношенiяхъ человѣкъ, и выбирался, какъ князь, т. е. имѣлъ власть казнить и миловать.

— Въ то время, про которое я тебѣ рассказываю, мое дитяtko, говорила мнѣ няня, этотъ народъ не былъ христіанами, а были они язычниками.

Они поклонялись всему тому, что их радовало, напримѣръ, красному теплему солнышку; что ихъ устрашало, напримѣръ, грому, молніи, сильнымъ вѣтрамъ, бурѣ и мятелямъ. Они вѣрили, въ домового, лѣщаго, водяного, въ Коцея безсмертнаго, въ существованіе бабы-яги, костяной ноги; вѣрили разсказамъ о вѣдмахъ и вѣдмакахъ, волшебницахъ, колдунахъ, цѣптунахъ и знахаряхъ; вѣрили въ чудесное дѣйствіе приворотнаго корня, наговору, силѣ глаза, что человѣка можетъ кто-нибудь другой „сглазить“ (испортить), нагнать на него различныя болѣзни, вѣрили также въ обратней. Между лпцвинами были кудесники, которые собирали различныя цѣлебныя травы и лѣчили народъ, вѣдѣствіи чего пользовались большимъ довѣріемъ въ народѣ.

Въ одномъ изъ такихъ поселковъ жилъ родъ Малвуза. Дѣдъ этого рода былъ высокаго статнаго сложенія, голова у него была вся бѣлая, какъ лунь, съ черными блестящими глазами. Онъ имѣлъ трехъ сыновей. Двое изъ нихъ Алфусъ и Катузь имѣли большіе семьи, а младшій Вутузь, уже нѣсколько лѣтъ женатый, не имѣлъ дѣтей.

И вотъ ему посовѣтоваль дѣдъ пойти въ

лѣсъ съ женою подальше отъ своего поселка, и, когда они дойдутъ до рѣчки, возлѣ которой есть большое болото, надо три раза крикнуть „пугу“ по-совинному и выкликнуть на помощь трехъ сестеръ волшебницъ.

— Ватуя, Тратуя, Гратуя! подайте мнѣ помощь. Я вамъ принесъ дары: по ведру меду, ржанной мучицы и узвару, которые прикрыты свитой.

— И когда онѣ къ тебѣ придутъ, — продолжалъ дѣдъ, — бросься на колѣни и слезно проси ихъ заколдовать, чтобы жена твоя не была бесплодна.

Бутузъ исполнилъ совѣтъ дѣда. Пошелъ въ лѣсъ, дошелъ до рѣчки съ большимъ болотомъ, три раза крикнулъ по-совинному „пугу“ и поименовалъ всѣхъ трехъ сестеръ.

Первая вылѣзла изъ болота Ватуя: великаго роста, съ растрепаными рыжими волосами, вся въ веснушкахъ, грязная, въ тинѣ. Она крикнула зычнымъ голосомъ:

— Кто меня вызываетъ. На какой чертъ я имъ нужна?

Тогда оба они бросились на колѣни передъ нею и начали молить ее поворожить,

чтобы у нихъ родился сынъ и чтобы умаслить ее, преподнесли ей ведро узвару. А она разсердилась, затопотала ногами и произнесла:

— „Твоя жена родить сына громаднаго, косматаго, какъ медвѣдь“, — И сама исчезла.

За нею выльзла вторая, Тратуя, черная, косматая, съ косыми зелеными глазами, ртомъ до ушей, съ носомъ длиннымъ, длиннымъ. Бутузъ съ женою снова бросились на колѣни и повторили ту-же просьбу.

— „Я только-что улеглась спать послѣ работы, — сказала, потягиваясь, громко зѣвая и показывая при этомъ свои гнилые зубы, Тратуя, — ловила пиявицъ, змѣй и маленькихъ лягушекъ и сварила себѣ изъ нихъ на ночь прохладительное питье, а вы, — безстыжія ваши очи, — побезпокоили меня. И для чего Вамъ сынъ? Для чего вы вообще рождаетесь на свѣтъ. Вы совсѣмъ лишніе на землѣ: отъ васъ проку мало“.

— Чтобы умаслить ее, они поднесли ей ведро мучицы.

— „Что это вы пакость все подносите. Засыпьте эту муку вашимъ свинымъ, а не мнѣ. Убирайтесь вы къ дѣламу. Къ обща-

нію моей сестры я присоединяю, что у вашего сына будетъ сила громадная: никто изъ людей, ни изъ звѣрей не сможетъ ни одолѣть его, ни сокрушить“—И внезапно исчезла.

Долго не появлялась третья.

Накопецъ, они увидѣли маленькую дѣвочку со свѣтлыми золотистыми кудрями, рѣзво, съ легкостью бабочки перебѣгающую тонкое болото. Она подбѣжала къ нимъ, обняла Бутуза за шею и чмокнула его въ щеку, а жену его взяла за руки и начала крутиться, вертѣться и рѣзвиться и такъ скоро и быстро, что та, бѣдная, упала въ изнеможеніи. Но они не были сердиты на нее и залюбовались ею - всецѣльною и лучезарною.

— „Что это вы принесли спросила Гра-туя, ткнула пальчикомъ въ медъ и потомъ облизала его — Ахъ какой сладкій медъ, — продолжала она. — А это что? что-то кислое, и это пригодится: когда будетъ жарко, и я захочу напиться, вотъ я и переменяю это съ водицей и буду пить... А это мучица? Тоже хорошо, что принесли. Я изъ этой мучицы сдѣлаю тѣсто, напеку хлѣбцовъ и буду кормить имъ своихъ птичекъ, рѣзвыхъ, лѣсныхъ щebetухъ.

И она, веселая начала прыгать и бить въ ладоши. Громадное количество птичекъ-синичекъ, ласточекъ, пѣночекъ, щегловъ, малиновокъ, снигирей-закружились надъ ней, весело щебеча.

— „Исчезните, нѣтъ ничего, сказала Гра-туя, — а вотъ уже вечеркомъ прилетите — накормлю“.

Вы не обижайтесь на моихъ сестрицъ — обратилась она къ Бутузу и его женѣ, — онѣ въ сущности добрыя. Я прибавлю къ сказанному ими, что вашъ сынъ будетъ прекрасный, добрый сынъ, сердечно относящійся къ нуждамъ людскимъ и никого ни изъ людей ни изъ звѣрей онъ обижать понапрасну не будетъ, и за то, когда онъ подростетъ, судьба осчастливить его хорошей женой.

Черезъ годъ послѣ того жена Бутуза родила крупныхъ размѣровъ мальчика, всего косматого и такого подвижнаго, что съ нимъ справиться было трудно. Черезъ полгода онъ уже ходилъ, а съ двухъ лѣтъ уже говорилъ и пробовалъ помогать отцу, когда тотъ выкорчевывалъ ини при обработкѣ полей. А когда пахалъ отецъ, то храбро садился на зубра,

впряженного въ соху, и колотилъ его въ бока своими уже довольно сильными ножками. Ходилъ на рѣку, самъ носилъ воду и нисколько не тяготился этимъ; любилъ свой лѣсъ, плелъ самъ себѣ лапти и кожанными ремнями, по тогдашнему ихъ обычаю, плотно обвязывалъ икры и руки свои до локтей, особенно лѣвую, чтобы было удобѣе защищаться отъ укуса звѣрей. Онъ весь былъ какъ будто изъ кремня высѣченъ, бѣгалъ же онъ быстро, какъ дикая коза.

Разъ, въ декабрѣ, когда молодому Бутузу было лѣтъ десять, при рубкѣ лѣса съ отцомъ, на одной полянѣ напало на нихъ десятка три волковъ. Онъ нисколько не смутился, вырвалъ съ корнемъ по близости стоявшій молодой дубокъ съ добрый кулакъ толщины и началъ имъ лунить волковъ и въ короткое время всѣхъ перебилъ. Раздѣливъ на двѣ кучи, сынъ вмѣстѣ съ отцомъ приволокъ ихъ домой при общей радости всѣхъ жителей поселка.

Молодой Бутузъ любилъ всевозможныхъ птицъ, прикармливалъ ихъ зернами ржи и проса; и такъ они къ нему привыкли, что когда онъ весной выходилъ изъ своей хаты онѣ

окружали его, весело щебеча и перебивая другъ друга; и языкъ ихъ онъ какъ будто понималъ. Нѣкоторыя кричали: „Куда пойдешь, куда пойдешь“? другія: „Пойдемъ за мною. Ландыши цвѣтутъ, ландыши цвѣтутъ. А нѣкоторыя въ смятеніи кричатъ: „Медвѣдь въ берлогѣ проснулся“!

И вотъ ему, двѣнадцатилѣтнему мальчику, а съ виду онъ былъ похожъ на восемнадцатилѣтняго, захотѣлось посмотрѣть на медвѣдя, каковъ онъ на свободѣ, и помѣряться съ нимъ силами. Вотъ и встрѣтился онъ разъ съ медвѣдемъ. Сталъ Мишка на заднія лапы и пошелъ на ребенка-богатыря. Обнялись и начали бороться. Съ двухъ, съ трехъ разъ молодой Бутузъ поборолъ медвѣдя, снялъ ремни со своихъ рукъ, связалъ ему переднія и заднія лапы и поволокъ домой. И съ какимъ радостнымъ крикомъ и визгомъ встрѣтило его юное населеніе поселка.

Отецъ хотѣлъ убить этого медвѣдя и сдѣлать себѣ тулупъ, но сынъ воспрепятствовалъ, сказавъ, этотъ медвѣдь никому зла не сдѣлалъ, „а только я его маленько поломалъ“.

— Я его накормлю, — продолжалъ онъ, тюрюй;

онъ отлежится; тогда выведу я его за околицу, дамъ ему подзатыльника и прикажу подальше бродить отъ нашей околицы и онъ мнѣ покорится, ужь больше не появится.

— Много такихъ медвѣдей онъ поборолъ такимъ образомъ и продѣлалъ съ ними тоже, что и съ первымъ. И послушные медвѣди избѣгали того лѣса, гдѣ жилъ такой богатырь.

Молодой Бутузъ прекрасно стрѣлялъ изъ лука, былъ дальнзорокъ и всегда безъ промаха попадалъ въ намѣченное мѣсто на самыя далекія разстоянія, но никого не убивалъ.

— Разъ, лѣтнею ночью ему не спалось въ душнѣй закопченной хатѣ, и онъ вышелъ и пошелъ бродить.

Когда солнышко взошло, онъ вышелъ на большую поляну, гдѣ протекала рѣка, къ берегамъ которой пришло на водопой около двадцати коровъ, зубровъ съ телятами и большой сторожевой быкъ-бугай. Онъ смѣло пошелъ на бугая. Озлобленный же бугай, поклонивъ голову, бросился на него. Онъ выждалъ минуту, когда тотъ долженъ былъ ударить его въ грудь рогами, отскочилъ и мгновенно вскочилъ ему на спину, сбросилъ съ плечъ

тулупчикъ, покрылъ имъ его морду и тѣмъ мгновенно смирилъ его; потомъ слабо связалъ ему правую переднюю ногу съ лѣвою задней, такъ что онъ могъ ходить, но не могъ бѣжать, запаснымъ ремнемъ спуталъ ему рога и потащилъ. Какъ ни упирался бугай, все-таки долженъ былъ покориться. А коровѣ съ телятами пошли за нимъ покорныя, какъ за вожакомъ.

Молодой Бутузъ устроилъ возлѣ поселка большую загородку (кошару) и въ ней помѣстилъ коровъ и бугая. Онъ съ другими парнями накосилъ много сѣна лѣсного и лугового, свезъ его къ поселку и разставилъ его кругомъ большими скирдами. Цѣлый поселокъ все лѣто питался прекраснымъ молокомъ и творогомъ. На зиму коровъ и бугая, которыхъ къ себѣ приучилъ за лѣто, онъ выгналъ опять въ лѣсъ, оставивъ только телятъ, которымъ вмѣстѣ съ другими парнями выстроилъ крытое помѣщеніе. Это служило основаніемъ домашняго стада.

Разъ старый Бутузъ принесъ домой дикаго козленка и хотѣлъ его зарѣзать. Сынъ воспротивился этому, отнялъ у отца козленка, и сказалъ ему:

—Развѣ у насъ мало, отецъ, чего ѣсть.

Мы кушаемъ и тюру, и хлѣбъ печенный, пьемъ молоко и творогъ ѣдимъ въ волку, для чего же рѣзать живое существо, проливать кровь неповиннаго звѣрька? Отдай мнѣ его; онъ намъ пригодится.

И выкормилъ онъ его коровьимъ молокомъ и такъ приручилъ къ себѣ, что тотъ не отходилъ отъ него, а къ концу года сдѣлался большимъ рогатымъ козломъ, который какъ собака, ходилъ съ нимъ на охоту.

Когда Бутузу миновало 20 лѣтъ, онъ сталъ извѣстенъ далеко кругомъ, какъ богатырь-силачъ, не имѣющій себѣ соперника. Онъ былъ добръ, справедливъ, никого не обижалъ. Любилъ онъ баловать дѣтей различными забавами: заставлялъ ихъ лазить на высокія сосны, бѣгать взапуски и прыгать черезъ рвы и колодки, бороться и т. п.

Уже въ окрестности не было ни одного, медвѣдя, чтобы онъ его не поборолъ, ни одного сторожевого быка-бугая, котораго онъ не приручилъ бы и не усмирить.

И началъ онъ дальше углубляться въ лѣсъ, отлучаться на недѣлю, на двѣ изъ дому: сталъ посѣщать другіе поселки. Онъ

имѣлъ обыкновеніе всегда почевать въ лѣсу, на вершинахъ дубовъ и сосенъ и оттуда высматривать, куда на другой день пойти.

Разъ сидя, такимъ образомъ на дубѣ, онъ увидѣлъ громадное животное, которое озлобленно рыча и стоя въ мелкомъ болотѣ, передними ногами обсыпало себя грязью, отгоняя этимъ назойливыхъ оводовъ, слѣпней, комаровъ и зыка (которые въ укушенную ранку кладутъ свои личинки и этимъ причиняютъ ужасный зудъ и боль). Бутузъ тихонько слѣзъ съ дерева, приползъ къ тому мѣсту, гдѣ животное топталось на мѣстѣ съ палитыми кровью и осwirѣпѣлыми глазами, и внезапно сталъ передъ нимъ во весь свой ростъ. Это сначала озадачило животное, потомъ оно, наклонивъ голову, съ рывомъ бросилось на смѣльчака. Онъ продолжалъ съ нимъ то же, что и съ зубромъ бугаемъ: вскочилъ къ нему на спину. Взбѣшенное животное начало прыгать, топтаться на одномъ мѣстѣ, брыкаться задними ногами, бросаться въ стороны къ деревьямъ, чтобы задавить молодого Бутуза. Эти скачки и вверхъ и внизъ, и въ стороны не давали ему возможности снять тулупчикъ и набросить ему на

голову; тогда онъ рѣшился ударить животное кулакомъ по лбу. Животное зашаталось, упало на колѣни и издохло.

— Ну, прости мнѣ, что я лишилъ тебя жизни, но что же дѣлать? Я самъ защищалъ свою жизнь.

Забравъ громадныя рога его, кожу и лучшіе куски мяса, онъ вернулся домой.

Когда дѣдъ увидѣлъ эти рога, онъ развелъ руками и объявилъ, что это рога тура, ужасной силы животного, котораго никто въ единоборствѣ не можетъ одолѣть и прозвалъ его тутъ же Туроснемъ, что значитъ побѣдитель тура; а рѣчку, которая протекала въ томъ поселкѣ, прозвали Туросной.

Цѣлую недѣлю поселокъ питался мясомъ, принесеннымъ Туроснемъ, а самъ Туросень и не попробовалъ его... А слава Туросня, какъ богатыря, разносилась все дальше и дальше. Разъ къ нему прибѣжали люди изъ отдаленнаго поселка, прося его придти на помощь.

— „Громадная медвѣдица появилась въ нашихъ лѣсахъ злая, сильная, ни дѣвчатъ, ни дѣтей собирать грибы и ягоды не пускаетъ, наши борты (ульи) разоряетъ, и нѣтъ съ нею ни-

какого ладу. Бьемъ тебѣ челомъ: приходи усмири и огради отъ злодѣйки“.

Старики, отецъ и мать Туросня, просили его не покидать ихъ, говорили, что пора ему жениться, домкомъ обзавестись, жить поживать да добра наживать.

—Развѣ мало у насъ въ округѣ дивчатъ-говорили они: всякая изъ нихъ пошла бы за тебя съ радостью.

—Никто мнѣ до сихъ поръ не полюбила съ свѣтъ мой батюшка и и радость моя матушка-отвѣчалъ имъ Туросень: не нашель я еще себѣ дѣвки по сердцу, а какъ найду, повалюсь, къ вамъ въ ноги и буду просить благословенія вашего.

Туросень живо собрался въ путь и пошелъ съ людьми.

„Что же ты рогатины не берешь“ спрашивали тѣ,- „ни ножа востраго.“

— А и безъ нихъ обойдемся.

И пришелъ Туросень въ тотъ лѣсъ, гдѣ съдокурила медвѣдица.

Ищутъ день, ищутъ два, ищутъ три... медвѣдица какъ въ воду канула. Къ концу третьяго дня притомились; сѣли подъ большимъ

дубомъ. развели огонь, принесли въ котлѣ ключевой воды и поставили его надъ огнемъ, засыпали пшена, бросили куски сала, сварили размазню, и пошелъ духъ вокругъ, да такой, пріятный, что всё дружески поужинали и полѣзали на дубъ, съ удобствомъ сѣли и задремали.

Чуткое ухо Туросня черезъ нѣкоторое время услышало, что кто-то внизу балуется котелкомъ, присмакиваетъ и по звуку было похоже, что вылизываетъ котелокъ.

Уже свѣтало. Туросень посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ громадной величины медвѣдицу, головой выше его, подозрительно носомъ тянувшая воздухъ. Туросень тихонько слѣзъ внизъ съ противоположной стороны дуба и подкравшись сзади, громко крикнулъ:

Здравствуй, тетка!

Медвѣдица отбѣжала въ сторону, стала на заднія лапы и свирѣпо пошла на него. Обнялись и начали бороться: Гнутся на право, гнутся на лѣво, ногами страшную пыль поднимаютъ. Крутились вокругъ, подавались впередъ, подавались назадъ; медвѣдица приутомилась и высунула языкъ, но не сдавалась

Туросень напругъ всѣ силы и придавилъ ее; тогда послышался слабый женскій голосъ:

—Пусти, пусти! Ты побѣдилъ.

И видитъ Туросень—лежитъ на рукахъ у него женщина красы неописанной: пепельнаго цвѣта волосы, большія черныя рѣсницы, алыя губы, жемчужные зубы. Одежда ея представляла невѣдомый Туросню костюмъ сѣраго цвѣта, поясъ съ золотыми бляхами, а грудь и шея оторочены были бѣлымъ лебяжьимъ пухомъ.

Она лежала блѣдная, какъ бы мертвая. Туросень побѣждалъ за ключевой водой, взбрызнулъ на нее три раза, отчего она очнулась, пробудилась и, ставъ на колѣни, со смиреніемъ поцѣловала его руку въ знакъ покорности.

Потомъ встала и благодарила его за то, что онъ снялъ съ нея колдовство и возвратилъ ей прежній видъ, и при этомъ объявила, что она дочь вдовы князя, что ее полюбилъ трехглавый змѣй и за то, что она не согласилась быть его женой, обратилъ ее въ медвѣдицу, а самъ смердящій, черезъ нѣкоторое время издохъ...

И я вотъ цѣлыхъ шесть лѣтъ оставалась медвѣдицей, — закончила она.

Туросень вмѣстѣ съ прочими людьми возлѣ того дуба построилъ большой будынокъ при рѣчкѣ Пинейкѣ образовалъ новый поселокъ и назвалъ его Медвѣдово, въ честь того, что онъ побѣдилъ сильнѣйшую медвѣдицу. Переселилъ къ себѣ своихъ родителей, женился на Торѣ—такъ было дѣвичье имя заколдованной медвѣдицы — и сталъ жить счастливо; имѣлъ тринадцать сыновей-богатырей, все такихъ же, какъ самъ; былъ выбранъ дѣдомъ своего поселка, а потомъ и княземъ окрестныхъ поселковъ.

ПЯТЫЙ РАЗСКАЗЪ

село ЛИТОВСКЪ.

Ахъ какая красивая мѣстность, гдѣ село Литовскъ. Рѣка его Титва вытекаетъ изъ тонкихъ болотъ и, какъ говорятъ старые люди,—давно это было,—теперешнее мѣсто было покрыто дремучимъ, дремучимъ лѣсомъ, а среди этого лѣса былъ поселокъ князя Беруто, который постоянно разъѣзжалъ, воевалъ и рѣдко дома сидѣлъ, а въ свободное время жилъ въ Вильнѣ при королевѣ Ядвига.

У Берута была жена высокаго роста, красивая, статная, властная. Она была дочь Забатуя, храбраго витязя богатыря изъ—подъ Вильны. Эта княгиня любила, чтобы все окрестные жители почитали ее и повиновались ей.

Мимо ея будынка въ Литовскѣ проходили все, почтительно кланяясь, снимали головные уборы, а когда встрѣчались съ ней, должны были становиться на колѣни, приклонять головы къ землѣ и быть въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока она не скажетъ „встань“. Протянутую руку ся должны были цѣловать съ почтеніемъ. Она перепимала все то, что было при Литовской Королевѣ Ядвига въ Вильнѣ. Собирала дань съ окрестныхъ поселковъ: медь, воскъ, пряжу, шерсть, кабаньи копченые окорока и олени языки, шкуры оленей, лосей, медвѣдей, лисицъ, зубровъ, деревянную посуду, жито, пшею; гречиху, ячмень, муку пшевичную и ржанную. Все это складывалось въ большихъ амбарахъ позади двора.

Княгиня имѣла придворныхъ: 30 мальцовъ, называвшихся пахами и полсотню дѣвушекъ, которыя цѣлый день вышивали въ цальцахъ,

плели кружева; а иногда она ихъ посылала въ лѣсъ собирать ландыши, ягоды и грибы. Эти дѣвушки были подъ надзоромъ шести старушекъ, которыя строго наблюдали за ними и притѣсняли ихъ. При княгинѣ состояли еще три сказочницы молодухи. Одна изъ нихъ растирала ноги и чесала пятки княгини во время послѣобѣденнаго отдыха, другая обмахивала ее липовсѣй вѣткой отъ мухъ, а третья рассказывала сказки и должна была придумывать самыя страшныя. А если случалось, что одна изъ нихъ задремлетъ, то та, которая обмахивала вѣткой, получала обыкновенно кулакомъ по подбородку, а та, которая растирала ноги, носкомъ ноги въ носъ.

У княгини было много кудесниковъ, шептуновъ и ворожеекъ, которые гадали ей, предсказывали погоду и угадывали будущее. Когда княгиня хотѣла идти купаться, то туда предварительно посылались ворожейки и шептуны, которыя шептали и заклинали воду, чтобы княгиня — матушка не простудилась; когда же она ходила въ баню, то ихъ посылали выгнать домовыхъ и чертей, любящихъ постоянно жить въ баняхъ; они поднимали ужасный шумъ, ударяя въ сковороды, кастрюли, тазы и дежки.

Затѣмъ выкидывался зарѣзанный барашекъ позади бани, чтобы домовый и черти покушали и ушли на нѣкоторое время. И только послѣ всего этого она входила въ баню и мылась.

Въ вечернее, особенно въ зимнее время, когда было холодно и темно, зажигались костры вокругъ дворца княгини для сторожей, которые обязаны были стучать всю ночь по очереди въ дубовыя доски, играть на свирѣли, бить въ чугуны и сковороды и пѣть пѣсни. А въ домѣ въ это время ея любимый шутъ, горбунъ, рассказывалъ ей веселыя сказки съ прибаутками, кривлялся, гримасничалъ, кувыркался, приплясывалъ и распѣвалъ, дразнилъ двухъ шутихъ, боролся съ ними и всячески старался развеселить княгиню.

У княгини не было дѣтей, и она очень объ этомъ скорбѣла; гадала, ворожила, просила другихъ за нее ворожить, посылала богатые дары въ Валлну, къ главнымъ жрецамъ, но все было напрасно.

Разъ, послѣ обѣденнаго сна, пошла она, княгинюшка, въ лѣсъ прогуляться. Всѣ ея сѣнныя дѣвушки разбрелись по лѣсу искать грибовъ и ягодъ, аукались, перекаливались, а

княгинюшка осталась одна. Съела она подъ развѣсистый дубъ и задремала. Вдругъ она вздрогнула, проснулась и видитъ передъ собою пять странницъ съ клюками въ рукахъ. Одна съ свѣтлыми волосами, съ косыми бѣгающими глазами, съ горбомъ, съ трясущейся головой; другая-рыжая, приземистая, также съ горбомъ, а руки длинныя, ротъ большой до ушей, съ веснушками на лицѣ и съ крючквататыми пальцами; третья-черная, косматая, очи большіе, что твои плошки горячіе, носъ крючкомъ, зубы во рту гнѣющіе, сама тощая, горбатая и хромяя; четвертая вся сѣдая съ рассыпавшимися космами по плечамъ, съ большимъ животомъ, ступни у нея были кривыя въ середину; пятая была толстая, маленькая, какъ та кубышка, очи веселыя, лучезарныя, носикъ маленькій, губы алыя, шейка бѣлая, ручки и ножки маленькія, вся она была привѣтлива и преисполнена доброты. Всѣ онѣ хоромъ затянули тоненькими голосками:

— Ахъ, княгинюшка, наша радость! день и ночь, бѣдная, убивается, что она безплодная, что судьба дѣтокъ не даетъ.

Первая потомъ продолжала:

— У тебя, княгинюшка, через годъ родится дочь красавица.

Вторая продолжала:

Волосы у нея будутъ блѣднозолотистые, курчавые, носикъ маленькій, ротикъ аленькій, зубки жемчужные.

Третья продолжала:

— Будетъ она статна, нрава добраго, привѣтливаго, сама сильная, ловкая.

Продолжала чертвертая:

Будетъ она легка на ноги, бѣгать будетъ, какъ та дикая козочка; будетъ счастлива и съ добрымъ сердцемъ.

— А меня возьми въ кормилицы-, сказала пятая— выкормлю я ее на славу всѣмъ, тебѣ въ утѣшенье; выростетъ она, будетъ веселая, пряткая, до работы охотчая, дѣлая все умѣючи. И назовешь ты ее Родиславною... И вотъ тебѣ серебрянный рожокъ; какъ только родится дочурка, вели въ свѣтлицѣ всѣ окна открыть и затруби въ рожокъ, и я живо буду у тебѣ.

А ты меня корми всласть кутьею гречевою, коржами съ макомъ, пои меня густымъ молокомъ, давай мнѣ спать на мягкомъ пуховикѣ, пускай гулять съ дитею въ лѣсъ, дышать вольнымъ свѣжимъ воздухомъ.

И всѣ мигомъ исчезли.

Княгинюшка стала домой собираться. Подходить къ усадьбѣ, а тамъ стукъ, гулъ, веселье: свѣтъ-радость, князь-муженекъ вернулся. Понавезъ онъ ей суконъ, тканей шелковыхъ и парчевыхъ, множество сластей и винъ заморскихъ. Полгода жилъ, отдыхалъ, свѣтъ-князь муженекъ отъ боевыхъ и ратныхъ всякихъ дѣлъ, а затѣмъ былъ опять вызванъ въ Вильну; и уѣхалъ князь на долго.

Послѣ отъѣзда его скоро княгиня родила дочку красавицу: ее ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать, ни красками нарисовать никакъ не возможно.

Княгинюшка велѣла всѣ окна въ свѣтлицѣ открыть; затрубили въ рожокъ, и мигомъ явилась веселуха, кормилица. Пошелъ по свѣтлицамъ и по покоямъ гулъ, шумъ радостный, смѣхъ закатыстый, и горя, какъ будто въ этомъ домѣ, никогда не было. Злая старухи, глядѣвшіе за сѣнными дѣвушками и тѣ стали добрѣе, и стало дѣвушкамъ легче жить; пѣлись пѣсни только радостныя и работа шла веселѣе. Когда кормилица ходила съ Родиславною въ лѣсъ, то малыя пташки пернатая слетались къ нимъ, окружали ихъ и

радостно щебетали и пѣли, а грачи, галки и вороны улетали далеко, далеко, чтобы не смущать ихъ своимъ карканьемъ. Не было ни бурь, ни непогодъ, и урожай каждый годъ съ этого времени былъ обильный.

Черезъ годъ княжна начала ходить, рѣзвиться, весело болтать, разговаривать, а черезъ три-голосисто пѣть. Тоненькій голосокъ ея, какъ серебрянный колокольчикъ, такъ и раздавался по лѣсу и по свѣтлицамъ.

Княжна копалась въ кучѣ мокраго песку, лѣпила изъ него птичекъ и когда подбрасывала ихъ вверхъ, онѣ оживали и улетали. Она имѣла чудотворную силу въ рукахъ: притронется бывало къ ранѣ болящаго человѣка—и рана закрывалась; притронется ли къ больному мѣсту—и боль утихаетъ.

Всѣ желанія княжны мигомъ исполнялись. Захочетъ она бывало пряниковъ, и откуда ни возьмись влетитъ пропасть всякихъ пряниковъ: и круглые, и четырехугольные, и большіе коврижки и имѣющіе видъ пѣтуховъ, кониковъ, рыбокъ, и съ макомъ, и съ миндалемъ, всѣ сладкіе, медовые, сахарные съ душистою мятою, съ имбиремъ и изюмомъ; и такъ ее

окужали, что она была какъ бы въ пряничномъ домикѣ. Сама бывало покупаетъ, а остальные раздастъ сѣннымъ дѣвушкамъ, злючкамъ старушкамъ, шутамъ, шутихамъ и пакамъ.

Когда захочетъ княжна орѣховъ погрызть откуда ни возмись посыплется и волошскіе, и грецкіе, и кедровые и всякіе лѣсные орѣшки; посыплется подсолнечниковыя и тыквенныя зерна, и вотъ, какъ княжна всего этого накушается, сѣнныя дѣвушки и всѣ, кто имѣетъ мѣшечки и платки, прибѣгаютъ и загребаютъ себѣ сколько кто можетъ; бѣлки, крысы и мыши лѣсныя и комнатныя также не забываютъ себя; и пойдетъ по всему дому и лѣсу такое щелканье и лужганье, что душа радуется.

Въ осенюю непогоду, когда долго шли дожди, какъ только княжна пожелаетъ, чтобы было потеплѣе и посуше, сейчасъ же выглянетъ солнышко, высушить землю, становится теплѣе, и она идетъ гулять. Лѣтомъ, когда станетъ слишкомъ жарко и душно, если она пожелаетъ, чтобы было попрохладнѣе, сейчасъ же подуетъ прохладный вѣтерокъ, тучи закроютъ солнышко, пойдетъ маленькій дождикъ, и ея желаніе исполняется.

Въ лѣтніе мѣсяцы, когда не было луны и были темные ночи, она нерѣдко желала, чтобы было освѣтлѣе, и забавлялась тогда волшебнымъ зрѣлищемъ: По всѣмъ направленьямъ летали свѣтящіеся жучки; на каждой вѣткѣ дерева, вездѣ на дворѣ и на головныхъ уборахъ, окружавшихъ княгинюшку, появлялись во множествѣ свѣтляки. Куски изгнившаго дерева, во множествѣ находящіеся въ лѣсу, начинали испускать свой блѣдный фосфорическій свѣтъ, а по болотамъ появлялись блуждающіе огоньки. Княжна такъ полюбила свою кормилицу, что ни на мигъ, ни на шагъ не отпускала ее отъ себя. Князь съ княгинею не нарадуются на свою дочурку. Она своимъ веселымъ нравомъ и серебристымъ пѣніемъ развеселяла ихъ.

И вотъ ей исполнилось шестнадцать лѣтъ. Стала она высокая, стройная, статная, красивая, ловкая; черные глаза ея блистали какъ молніи свѣтлыя; взоръ черныхъ очей ея былъ властный, и на кого она ни посмотритъ, сейчасъ же его и покоритъ, и тотъ становится ея послушнымъ рабомъ.

Рядилась Родиславна въ свой народный литовскій костюмъ, не любила заморскихъ.

трепетно, кровь волновалась, стала княжна задумываться; взоръ ея часто смотрѣлъ вдаль, и она какъ будто кого то ждала-поджидала. Ночью ея сонъ былъ безпокойный, тревожный; во снѣ она какъ будто пѣжно съ кѣмъ то говорила; во рту у нея было сухо, алыя губки потрескались; стала она горевать, тосковать. Бывшая кормилица, теперь старая няня при ней, взбрызгивала на нее ключевой водою съ уголька шептала надъ ней, отплевывалась и отмахивалась руками, какъ бы отгоняя волшебныя чары злыхъ духовъ.

Разъ послѣ обѣда княжна вздумала пойти въ далекіе священныя лѣса, дубовые, кленовые прогуляться.

Не долги сборы были. Стѣнные дѣвушки впереди, княжна съ нянькою неселухой и со старушками въ срединѣ, а сзади шли однолѣтки княжны, отроки, бывшіе ея пажи, несшіе за нею носилки съ дорогими персидскими коврами самоцвѣтными; а сзади волы везли фуры съ припасами для вечера. Кухарки въ бѣлыхъ костюмахъ своихъ съ ножами и стѣжирами, и охотники съ луками самострѣлами- все это сопровождало ее.

Шли долго, долго, притомились, и порѣшили на первомъ большомъ лужку остановиться.

Дѣвушки и отроки набрали сухого хвосту, зажгли громадный костеръ и, взявшись за руки, кругомъ него стали кричать, визжать, прыгать и пѣть старинныя литовскія народныя пѣсни, обращенныя къ добрымъ свѣтлымъ духамъ, съ просьбой защитить ихъ отъ злыхъ духовъ на случай ихъ нападенія.

„Ой, души свѣжія залюбидніи, закутъ прилетите къ намъ и оградите отъ злыхъ духовъ: чуриль пугнулъ, зашугнулъ, нагоните на нихъ духу смраднаго, непотребнаго, какъ отъ падали морской, нагоните на нихъ вѣтры буйныя, грозы страшныя, чтобы повадки у нихъ не было на насъ набрести. Мы ужъ въ честь и славу вамъ костеръ будемъ жечь до утра и водой не заливать, хороводы вамъ водить и громкія пѣсни въ честь васъ пѣть.“

Начало вечерѣть.

Вдругъ слышать: издали шумъ и трескъ приближаются; звукъ охотничьихъ роговъ раздается, лай и визгъ охотничьихъ собакъ заливаются. И высыпало на поляну множество охотничьихъ козлыхъ людей, пѣшихъ загон-

щиковъ и стаи собакъ, а впереди всѣхъ выступалъ на буланномъ конѣ красивый витязь. Подѣхалъ онъ къ костру и какъ глянулъ на княжпу, такъ мигомъ соскочилъ съ коня, подбѣжалъ къ ней и ставъ на колѣни, воскликнулъ:

— „Радость, красота дѣвиць литовскихъ, узналъ я тебя, радость, счастье наше! Ты — княжна Родиславна! Я недавно изъ заморскихъ странъ вернулся; я князь Сѣнчилло, многихъ сель и лѣсовъ владѣтель. Радость, счастье мое, что я встрѣтилъ въ лѣсу тебя! Объявляю я тебѣ, что я покорный рабъ твой и буду твоимъ рыцаремъ, буду охранять и защищать тебя до конца жизни“.

Гордо встала Родиславна со своего мѣста, пристально оглядѣла его и промолвила привѣтливо:

— „Мы сейчасъ идемъ домой, и ты сопровождай насъ; своихъ же людей, охотниковъ, лошадей и собакъ отправь домой“.

Красивый витязь Сѣнчилло радостно повиновался, и они вернулись домой.

А дома застали смятеніе: получилась вѣсточка отъ отца, что онъ ѣдетъ домой и везетъ

жениха Врато-Смѣлодовича для своей дочери, красавицы; и приказывалъ князь, чтобы всѣ въ домѣ приготовились къ радостной встрѣчѣ храбраго витязя Врато—Смѣлодовича .

А свѣтъ-княжна Родиславна мгновенно и страстно полюбила витязя Оѣнчилло и грусть залегла въ ея сердцѣ молодомъ.

На другой день родитель ея, отецъ батюшка, вернулся изъ—подъ Вильны въ сопровожденіи витязя Врато—Смѣлодовича. Последній весь былъ въ черномъ одѣяніи: въ черныхъ латахъ, въ черномъ шлемѣ Самъ онъ высокаго роста, съ большимъ животомъ и старался казаться молодцемъ, но на самомъ дѣлѣ былъ неуклюжъ. Лицо его было хотя и красиво, но помято; видно было, что онъ любилъ бывать на пирахъ и въ изобиліи пить пиво, старый медъ и заморскія вина Глаза имѣлъ сѣрые, бѣгающіе и не любилъ смотрѣть прямо въ лицо. Говорилъ много, хвасталъ, что и то и другое онъ можетъ дѣлать, что онъ и храбръ и богатырски силенъ, ловко избѣгалъ опасностей, на медвѣдя безъ вилъ и ножа хаживалъ и ломалъ его. Любилъ также Врато—Смѣлодовичъ шутки шутить и самъ

первый до упаду раскатисто хохоталъ остроумному своему словцу.

Княжна, какъ взглянула на него, сразу возлюбила его, махнула рукой, побѣжала въ свою свѣтлицу, бросилась на постель и горько зарыдала.

— „Ахъ, я несчастная, ахъ я бѣдная! На того, кого я люблю, батюшка не хочетъ смотреть и не привѣтливъ съ нимъ, а тотъ, кого онъ привезъ-мнѣ ненавистенъ... Няня, няня! иди ко мнѣ посоветуй, какъ и что я должна дѣлать, что предпринять, помоги моему горю!“

— Не крунись, не горюй, дитя-дѣтяточко! Научу я, какъ изъ этой бѣды выпутаться.

Тутъ няня, пригнувшись къ ушку ея, начала шептать ей, что она должна говорить отцу.

Княжна быстро успокоилась, встала и гордой осанкой пошла къ отцу.

— Отецъ мой, радость—батюшка,—сказала она:—ты вѣрно, не захочешь, чтобы я захирѣла, заскучала, и загрустивши, умерла. Ты исполни, дорогой батюшка, мою просьбу: Тутъ два рыцаря желаютъ меня въ жены взять; я-же

хочу дать имъ обоимъ три испытанія. Если кто изъ нихъ эти три испытанія исполнитъ, то тому я буду безпрекословно женою. Испытанія будутъ слѣдующія: дамъ я каждому витязю по большому кулю смѣшаннаго зерна, гороху, пшеницы, ржи, гречихи, льна, чтобы за одну ночь они выбрали каждыя изъ этихъ зернъ отдѣльно, горохъ къ гороху, пшеницу къ пшеницѣ и т. д. Второе они должны поборотъ нашего ручного большого медвѣдя. Третье, вступить въ единоборство верхомъ и пѣши. И кто побѣдитъ, тому я буду вѣрная жена.

Отцу сразу полюбилось ея предложеніе; онъ согласился и объявилъ двумъ богатырямъ условія дочери.

Хвастливый Врато—Смѣлодовичъ засмѣялся и сказалъ:—Съ большимъ удовольствіемъ принимаю состязаніе; мнѣ это ни почемъ.

А Сенчилло приунылъ; но что же дѣлать?—Надо было подчиниться. Княжна же шепнула ему, чтобы онъ не унывалъ.

Вечеромъ обоимъ витязямъ отвели по свѣтлицѣ и дали по кулю.

Врато—Смѣлодовичъ разостлалъ коверъ,

сѣлъ, поджавши ноги, и сталъ отбирать зерна, а черезъ часъ такъ притомился, что задремалъ, а потомъ легъ да и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Сенчилло, по совѣту княжны, расостлалъ коврикъ на маленькомъ лужку и началъ отбирать зерна. Долго ли, коротко ли это было, я не знаю, но и онъ притомился отъ работы, прилегъ и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ полночь въ свѣтлицѣ Врато-Смѣлодовича явилось множество мышей и крысъ, которые сѣли все разсыпанное по коврику зерно, даже изгрызли весь мѣшокъ и остался одинъ лишь соръ.

Подъ утро пняюшка-волшебница вышла изъ своей свѣтлицы, принесла нѣсколько маленькихъ кульковъ, засвистала въ дудочку и налетѣло гибель пташечекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ взялись отбирать пшеницу, другія ячмень, рожь, горохъ, и черезъ часъ все было готово: каждый кудекъ былъ наполненъ однороднымъ зерномъ.

Проснулся Врато-Смѣлодовичъ, сладостно зѣвнулъ, а какъ посмотрѣлъ на коверъ и на обгрызки мѣшка, такъ вмигъ сонъ отлетѣлъ, и

онъ съ отчаяніемъ, ударивъ себя по лбу, воскликнулъ:

— Проклятый сонъ... Пропало счастье.

Сенчилло проснулся отъ солнечныхъ лучей, падавшихъ ему прямо въ глаза; потянулся, зѣвнулъ и пораженный тѣмъ, что работа была окончена, съ благодарностью посмотрѣлъ на окна княжны.

Прислуга князя Сенчилло поставила на носилки кульки отобраннаго зерна и вмѣстѣ съ княземъ внесла въ обѣденные покои княгини.

Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ смущенный Врато—Смѣлодовичъ и со смѣхомъ объявилъ, что онъ, притомившись отъ работы и отъ дороги, заснулъ, а проклятыя мыши и крысы все поѣли и „даже вотъ куль весь изгрызли грызуны.“

Много—много всѣ смѣялись, а больше всѣхъ княжна Родиславна заливалась веселымъ смѣхомъ.

За обѣдомъ подвыпили здорово, а больше

всѣхъ Врато—Смѣлодовичъ, а потомъ вышлись вволю.

Послѣ обѣда отецъ княжны предложилъ пойти на лужокъ и тамъ побороться съ медвѣдемъ.

Привели громаднаго медвѣдя.

Первый началъ бороться Сенчилло.

Подошелъ онъ къ медвѣдю, съ привѣтомъ: „здравствуй, свать, поборемся съ тобою, помѣряемся силушками“.

Обнялись и начали бороться.

Борятся часъ, борятся два: никто не поддается; медвѣдь приутомляться сталъ: сонить, ворчить, храпить, языкъ высунуль, тогда витязь Сенчилло понатужился, поднялъ его, какъ малаго ребенка, и положилъ на траву.

Кругомъ всѣ закричали ему:

—Слава, слава, слава! Да здравствуетъ храбрый витязь! Когда медвѣдь немного отдышался, предложили и Врато—Смѣлодовичу побороться съ нимъ. А у него, у храбраго ви-

тязя, душа отъ страху въ пятки ушла, весь поблѣднѣлъ и, заикаясь, смущено сказалъ:

— Какъ мнѣ храброму витязю, да бороться съ утомившимся звѣремъ; да это мнѣ укоризной можетъ быть; всякій меня осудить. Вотъ завтра, послѣ-завтра буду бороться и поборю.

Но тутъ со всѣхъ сторонъ начали кричать:

— Нѣтъ, теперь, теперь борись!

А больше всѣхъ настаивала княжна.

Видя, что отказаться никакъ нельзя, Врато-Смѣлодовичъ, спотыкаясь, пошелъ къ медвѣдю, но остановился на полдорогѣ: голова у него закружилась. Медвѣдь же осерченный, что его побороли, подошелъ къ нему, схватилъ его за бока и, высоко поднявши, бросилъ его далеко въ сторону отъ себя. И упалъ хвастунъ — витязь носомъ о землю, и пошла у него кровь носомъ, ртомъ и ушами, и застоналъ онъ болѣзненно, жалобно... Подбѣжали къ нему князь и знахари, обмыли его и привели въ чувство, а знахари объявили, что маленько ушибся, но не опасно, будетъ живъ.

Очнувшись, витязь объявилъ, что онъ

состязаться больше не намѣренъ, не желаетъ, что онъ завтра же уѣдетъ домой во свояси и желаетъ полного счастья княжнѣ.

Черезъ нѣкоторое время была радостная свадьба. Пировали цѣлый мѣсяць. И на свадьбѣ была королева Ядвига со множествомъ знатныхъ князей, и назначили они Сенчилло и его жену приближенными къ своему двору.

И они тамъ счастливо жили—поживали. добра наживали и прославили себя, какъ добрые хорошіе люди, а подъ старость вернулись въ Литовскъ и тамъ опочили.

Старики рассказываютъ, что вблизи Литовска есть большой курганъ, въ которомъ покоятся Сенчилло и его жена красавица.

	напечатано	слѣдуетъ читать
Въ предисловіи	сказачнаго	сказочнаго
стр		
1	Евсѣй	Евсей
"	Близь	Близъ
8	осчастливъ	осчастливь
14	племяницею	племянницею
21	skonфужено	skonфуженно
30	бризгали	брызгали
"	маленькіе	маленькія
33	выпытывать	допытывать
36	преподнесли	приподнесли
40	обязываль	обязываль
51	лахами	пажами
54	большіе	большія
56	глядѣвшіе	глядѣвшія
66	зернъ	зерень
70	смущено	смущенно
